

ЧЕХОВ В РАБОТЕ НАД РУКОПИСЯМИ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сообщение и публикация П. С. Попова

В повседневной жизни Чехова большое место занимало общение с молодыми, начинающими писателями, которые приносили и присылали ему на просмотр свои рукописи. Уже в 1880-х годах Чехов помогает своим товарищам по литературе. Он читает рукописи, делает замечания, правит, посылает их в редакции — иногда даже от своего имени, вообще энергично старается продвинуть в литературно-журнальную среду всякого мало-мальски способного к писательству человека. Произведения М. В. Киселевой, Н. М. Ежова, А. С. Лазарева (Грузинского), А. Н. Маслова (Бежецкого), Л. А. Авиловой, Е. М. Шавровой и многих других прозаиков и драматургов прошли через руки Чехова.

Чехов был щедр на отзывы, по страницам его писем рассеяно множество литературных советов и указаний. Этот огромный материал дает исследователям широкую возможность изучить и оценить отзывы Чехова на произведения, появившиеся в современной ему печати. Однако, когда речь идет о произведениях, в печати не появившихся, задача эта усложняется: рукописи их, как правило, не сохранились. И уж совсем вне поля зрения исследователей остается такая обширная область чеховской литературной практики, как непосредственное, с карандашом в руках, редактирование чужих произведений.

Работу эту Чехов делал, не только помогая лично тому или иному знакомому. Чехов брал также на себя просмотр рукописей по поручению редакций для журналов или газет, в которых он печатался, в частности для газеты «Новое время». В этой работе он находил для себя интерес и занимался ею с удовольствием. 23 октября 1889 г. он писал Суворину: «Если бы я жил в Петербурге, то напросился бы к вам в редакторы беллетристического отдела. Я бы чистил и шлифовал все одобренные вами и Бурениным рассказы и протезировал бы тем, по-видимому, никуда негодным вещам, из которых путем сокращения наполовину и путем корректуры можно сделать сносные рассказы. А я наловчился корректировать и марать рукописи. Знаете что? Если вас не пугает состояние и скука, то пришлите мне заказной бандеролью все то беллетристическое, что имеется у вас под руками и вами забраковано» (XIV, 421--422).

Суворин воспользовался предложением Чехова. Месяц спустя Чехов вновь писал: «...продолжайте высылать. Чтение рассказов и поправки отнимают у меня каждый раз не более $\frac{1}{2}$ —1 часа и развлекают меня. Гимнастика для ума некоторым образом» (там же, 441). По возвращении с Сахалина Чехов напомнил: «По примеру прошлых лет, присылайте мне рассказы для шлифовки. Мне это занятие нравится» (письмо к Суворину от 24 декабря 1890 г. — XV, 138).

Известно, что Чехов редактировал ряд рассказов, среди других — «Мытарство грешной души» Е. Ф. Кони (XIV, 583), рассказ В. И. Бибикова (XIV, 437), рассказ Н. М. Ежова «Леля» (XIV, 521), рассказ своего брата Александра «Цепи, или Сочельник под снегом» (XV, 593) и др. Иногда в письмах к Суворину Чехов уточнял, в чем состояла его правка; так, он писал 20 ноября 1889 г.: «В „Певичке“ я середину сделал началом, начало серединою и конец приделал совсем новый. Девца, когда прочтет, ужаснется» (XIV, 438).

В письме от 17 июня 1903 г. Чехов, сообщая о переменах в редакции «Русской мысли» в связи с болезненным состоянием Лаврова, писал Суворину: «...меня пригласили

в заведующие беллетристическим отделом» (XX, 113). Чехову не пришлось по болезни систематически работать в журнале, — к тому же и в Москве он бывал обычно недолго. Сохранились лишь скудные и случайные сведения о том, какие именно рукописи просматривались Чеховым. Так, 11 августа 1903 г. сын Лаврова, работавший в конторе журнала, писал Чехову: «Пошлю вам рукописи: 1) Семенов А. К. В чем причина, 2) Аппин Е. П. Перед жизнью (рассказ), 3) Богдан Лупа (Таврошевич Антон) а) История о малолетнем котенке, б) Филантропия».

В письме к Гольцеву от 18 августа 1903 г. Чехов выделил из них лишь рассказ Семенова, признав его хорошим и годным для напечатания (XX, 125). Несколько месяцев спустя он послал Гольцеву другой рассказ, также выправленный, — рассказ А. С. Писаревой (о нем см. ниже). Странно, что ни один из этих одобренных Чеховым рассказов в «Русской мысли» не появился (остальные рассказы были им забракованы. Ср. письмо Чехова Гольцеву от 22 января 1904 г. — XX, 230).

В марте и апреле 1904 г., вернувшись в Ялту после постановки «Вишневого сада», Чехов продолжал просматривать рассказы, присылавшиеся редакцией «Русской мысли». Из этих рассказов Чеховым были одобрены к печати три. Из них два были опубликованы в «Русской мысли»: «Тайна Вихровской степи» Вас. Брусянина (1904, № 8) и «Картинки петербургской бедноты» Д. М. Герц-на (1904, № 12). Этими двумя рассказами ограничивается то, что было фактически напечатано в «Русской мысли» после редакционной правки Чехова.

Многие рассказы, как, например, упомянутая выше «Певичка», остаются неизвестными. Не разыскан рассказ некоего Овсянникова; этот рассказ сначала правил Буренин, потом Чехов, вычеркнувший поправки Буренина и выкинувший «немножко меньше половины» (XIV, 448), и многие другие. Но даже в тех случаях, когда твердо установлено, какое именно произведение правил Чехов (например, «Мытарство грешной души» Коши, «Леля» Ежова), это не дает надлежащего материала для изучения характера редакторской правки Чехова, — ведь нет соответствующих данных, чтобы сравнить текст до правки и после правки.

Один интересный пример такого редактирования, впрочем, был ранее известен. Это своеобразная работа, сделанная Чеховым на печатном тексте рассказа Короленко «Лес шумит» (см. С. Б а л у х а т ы й. Библиотека Чехова. — В сб. «Чехов и его среда». Л., 1930, стр. 243—245). Но ни одна из рукописей начинающих писателей, выправленных Чеховым, — а их насчитывались десятки, — до сих пор не была известна. Поэтому большой интерес приобретают две сохранившиеся и печатаемые ниже рукописи — Е. М. Шавровой и А. С. Писаревой с редакторской правкой Чехова.

1. РАССКАЗ Е. М. ШАВРОВОЙ «СОФКА»

Сохранился подлинник рассказа Е. М. Шавровой «Софка», выправленный Чеховым (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 206, лл. 1—13). Е. М. Шаврова в своих неопубликованных мемуарах (собрание П. С. Попова) описывает, как пятнадцатилетней девочкой она, едва познакомившись в Ялте с Чеховым, передала ему, встретившись на набережной, свой рассказ, который был им одобрен, проредактирован, переслан Суворину и вскоре напечатан в «Новом времени» (№ 4846, от 26 августа 1889 г.).

Редактируя рукопись, Чехов значительно сократил рассказ, откинув повторения, устранив неудачные эпитеты и маловыразительные обороты. Внес он и радикальное изменение в концовку рассказа: по тексту Шавровой князь рассказывает Софье о своей любви к другой женщине, как бы маскируя свои чувства к Софье; в тексте, исправленном Чеховым, объяснение в любви обращено к самой Софье.

Чехов открыл перед Шавровой писательский путь. Всего два года спустя после ее первого опыта Чехов писал по поводу нового ее рассказа «Замуж»: «Только что прочел ваш рассказ в корректуре, Елена Михайловна, и паки нахожу, что он очень хорош. Прогресс большущий. Еще год-два, я и не буду сметь прикасаться к вашим рассказам и давать вам советы» (XV, 147).

Из писем Чехова к Шавровой мы знаем, что и дальнейшие свои литературные опыты она давала ему на просмотр. К некоторым из них Чехов относился очень взыскательно и строго. Так, например, по поводу одного из ее рассказов он писал ей 16 сентября 1891 г.: «Это не рассказ и не повесть, не художественное произведение, а длинный ряд тяжелых угрюмых казарм. Где ваша архитектура, которой вы вначале так очаровали

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Марии Александровне Самаровой от давнего знакомого и почитателя. Антон Чехов. 1900, IV, 22».

Театральный музей им. А. А. Бахрушина. Москва

вашего покорного слугу? Где легкость, свежесть, грация?» (XV, 243—244). Всего через руки Чехова прошло около двадцати рассказов Шавровой.

В публикуемой ниже рукописи рассказа Шавровой вычеркнутые Чеховым слова заключены в квадратные скобки; слова, им вписанные, выделены курсивом. Квадратные скобки внутри текста, уже заключенного в квадратные скобки, показывают, что Чехов сначала предполагал опустить несколько слов, а затем вычеркнул больший кусок текста. Курсив внутри квадратных скобок выделяет слова, вписанные ранее Чеховым.

СОФКА

(Кисловодская идиллия)

Она сид[ела]ит [на снятом с лошади] на траве, на мужском седле и [капризно] покачива[лась]ется на нем. Тоненькая, узенькая, стройная, с волос[ы]ами [непокорной гривкой] лезу[т]цими на глаза, [выбились за ушами, щеки пылают, глаза] с пылающими щеками, с глазами, которые шуряются и блестят, — [и вся она,] в своей строгой черной амазонке, [кажется не то] похожа она и на переодет[ым]ого мальчик[ом]а [не то какой-то странной необыкновенно узенькой,] и на фантастическ[ой]ую женщин[ой]у.

— Я устала говорить! — кричит она. — Князь, дайте мне пить!

— Софка! — слышится окрик.

Но она не обращает внимания.

— Князь, — повторяет она еще громче, — князь!

Кругом, в различных, более или менее живописных, позах расположились друзья и знакомые ее матери.

Правда, многих она знает не больше недели, иные познакомились только сегодня перед поездкой. Но это ничего не значит; на водах так скоро знакомятся! [А бойкость всегда нравится и привлекательна. Это Софка хорошо знает.]

Лежат на траве, прислонившись к седлам и на разостланных бурках.

Несколько военных, есть актер, два помещика, доктор на отдыхе и, наконец, люди неопределенных профессий, живущ[их]ие «своим капиталом», которых на водах всегда много.

Эти все больше наряжены горцами.

Софке все равно.

Ее радует, что она с мамой* и Адель Карловной приехала сюда, в горы, что с ней говорят, как с взрослой, любят ее и даже как будто ухаживают все эти смешные усатые люди.

Ей весело, потому что трава в ущелье так зелена, что хочется примять ее, что камни там грозно нависли, и утесы хмурятся, и молодой серп месяца золотит зыбь маленькой горной речки.

Весело и от выпитого вина, и от прохлады вечера, а главное, весело оттого, что и в ней и для нее все еще так ново, свежо, [и неизвестно] странно. Софке не больше [пят]шестнадцат[ь]и лет. В этом году она как-то сразу из девочки [сделалась] превратилась в почти взросл[ой]ую [барышней]. Перемена произошла так внезапно, что Софка сама смущена и [довольна что] не верит глазам... И все как будто переменилось вокруг нее...

Возле нее генерал [бодрящийся видимо.] — громадная гора жира и мяса в белом кителе, проевш[ий]ая два состояния** на своем веку и оканчивающ[ий]ая теперь третье.

Черные масляные глазки смеются, он любит девочкой и не прочь подпойть ее немножко.

Софка видит, что [она] имеет успех между этими знакомыми мамы больше Адель Карловны и даже больше самой мамы.

Адель Карловна подруга мамы. Софка помнит ее еще [тогда] с того времени, когда [была крошкой] ходила в короткой юбочке, [и всегда голыми загорелыми] с голыми ру[ч]ками и но[жк]гами, темными от за-

* Здесь и далее всюду Чехов исправил: Мама на мама.

** Рукою Чехова над словами поставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: проевшая на своем веку два состояния

гара. И тогда также они * переезжали с вод на воды, [и] то за границу, [и] то в Крым, и здесь жилали. И Софке кажется, что иначе жить невозможно.

Адель Карловна и мама мало изменились с тех пор. Знакомые постоянно менялись, они же все оставались такими же высокими, полными и красивыми дамами.

[Их принимают часто за сестер.

Но Софка предпочитает маму. У [нее] мамы такие большие томные глаза и утомленное бледное лицо, и она так хорошо одевается, гораздо лучше Адель Карловны, которая любит все яркое.

Мама часто ссорится с Адель Карловной, и они говорят друг другу ужасные вещи, — но Софка знает, что это ненадолго и что они опять помирятся.]

Софка так уверена в превосходстве мамы и Адель Карловны, особенно мамы, что очень [часто] удивлена и недоумевает, почему е[й]ю, Софкой, с некоторых пор так восхищаются. Мама часто теперь недовольна Софкой и реже берет ее с собой. Но Софка не задумывается, ей некогда и всегда хочется думать о чем-нибудь веселом.

[И теперь она с затаенной радостью следит из-за своих густых [загибающихся кверху] ресниц, как все бросаются исполнять ее желание.]

Один держит стакан, князь наливает вино, и все наперерыв лезут чокаться с ней и пить за ее здоровье.

— Не барышня — а шампанское! — восклицает полковник Иванов [привычным жестом опрокидывая свой стакан в горло]. — И Софка улыбается ему и чувству[я]ет, что [это высшая похвала в его устах.] она и в самом деле похожа на шампанское.

И все они с удовольствием и радостью наблюдают Софку. Она забавляет этих взрослых людей, как редкий зверек, которого и подразнить, и погладить одинаково приятно.

Князь, богатый грузин, совсем еще мальчик, [богатой грузинской фамилии, и] недавно выпущенный в офицеры. Он такой [сам] хорошенький, такой гладкий, свежий [и крепенькой], и все на нем так [и блестит на нем новизной и свежестью, что он ярко выделяется между всеми остальными военными] ярко, ново и свежо, что** его трудно не заметить, в какой бы он ни был толпе. Он мало обращает внимания на дам, несмотря на заигрывание Адель Карловны и томные взгляды мамы. [Софки — Марии Ивановны.]

Он приехал кутить, и старается добросовестно выполнить все, что [требуется] нужно для этого. С азартом входит он*** в роль, — хмурится, напевает осетинские песни, и пьет с суровым видом знатока и [закаленного в боях] вояки, закаленного в боях.

Он кутит.

[Нужно проделать всю пантомиму, все, чтобы уверить себя и других, что они отчаянно кутят и очень, очень веселятся.]

Все [располагаются в непринужденных позах на траве, и] пьют, рассказывают друг другу веселые анекдоты и пьют. [— Потом нужно расстегнуться, надеть фуражку на затылок и опять пить].

[Варить] Делают**** пашлык и е[сть]дят его без [помощи] ножей и вилок, [а рвать мясо] прямо руками, как [это делают] истые горцы. И всем это нравится, и все думают, что это нужно. Князек берет бутылку кахетинского и говорит, что выпьет залпом без передышки. Ему не

* Рукою Чехова проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: и тогда они также

** Первоначально далее было: он резко

*** Первоначально: Он с азартом входит

**** Первоначально: Делать

верят, потом все смотрят. Он [с]хват[ыв]ает бутылку в обе[ими] рук[ам]и, запрокидывает назад голову и [начинает быстро пить] пьет. [Он] Широко расстави[л] ноги, [в узких рейтузах и все больше] он наклоняется назад *все больше и больше*, а бутылка под[ы]нимается все выше и выше. Наконец [он] торжественно с налитым кровью лицом, он показывает пустую бутылку и, нахмурившись, [лихим] *сделав лихой жест* [ом, хочет перебросить] бросает ее через плечо. Жест не удается, и князек [мрачно бросается] садится на землю возле [Марьи Ивановны.] мамы.

Та сейчас начинает что-то говорить ему, взглядывая на него своими прекрасными глазами. Ее желтоватое, цыганско[го]е [типа] лицо с длинным носом и бле[кл]дными губами улыбается.

[Князек ей, видимо, нравится.]

«Давайте петь!» — кричит Адель Карловна. [все хором и генерал тоже.]

[Адель Карловна совершенно] Она лежит на белой бурке и курит. Белая папаха и башлык придают ей воинственный вид. Возле нее расположились поклонники. Между ними есть и [очень смелые и] видавшие виды, как, например, полковник Иванов, есть [также] и робкие юноши вроде корнета [Закаспийского] *Степанова*, который [телячьими глазами взирает] *по-телячьи глядит* на нее и немеет от восторга.

Софка довольна, что сейчас будут петь. Она вскакивает с места и начинает предлагать, что петь.

Нужно такое, чтобы все знали, что-нибудь цыганское: «Милая», или «Ночи», или «Месяц плывет», — это наверно все знают, — да, да это лучше всего!

И все поют. Немного нестройно, но зато все уверены, что петь следует, и потому [чувствуют удовлетворение.] *довольны*.

Тучный генерал [особенно] усердно выводит басовые ноты и качается в такт, хотя и не знает, что поют.

Актер принимает позы, прижимает для чего-то руку с большим бирюзовым перстнем к полосатой жилетке и косится на дам. Полковник Иванов изящно дирижирует бутылкой.

[Приехавшая раньше] Сидящая поодаль компания, *приехавшая раньше*, состоящая почти из одних барышень и дам, чопорно поджмается и спешит уехать.

— Итак, Софочка, вы не хотите нам рассказать, отчего вы убежали из института? — спрашивает генерал.

Софка смеется, ее тоненький нос морщится, [и] глаза *лукаво* щурятся... [от лукавства.]

— Вам очень хочется знать? Мама не любит, когда я рассказываю, да и ничего нет тут интересного. Ну, ушла потому, что мне там тесно [было и меня притесняли], а я люблю свободу!

И Софка, очень довольная [своей] последней фразой, которую она часто слышит от мамы, старается *скорее* замять [этот] неприятный для ее самолюбия разговор.

— Петр Петрович, продекламируйте нам что-нибудь, пожалуйста! — говорит она актеру и теребит его за рукав. — Ну — пожалуйста!

[Рассказы тоже входят в репертуар веселья и Софка это знает. —] Все просят.

Актер становится в позу. [Мария Ивановна] *Мама* внезапно проникается своими материнскими обязанностями и указыва[ет] глазами на Софку, прос[ит]я * этим выбрать для рассказа что-нибудь менее пикантное. [из его рассказов.]

* Первоначально далее было: взглядом

Актер ищет чего-то в пространстве и вдруг раздражается чем-то очень непонятным и возвышенным. Он то кричит и разводит руками, то говорит совсем шепотом. Потом, видя, что всем скучно и что Адель Карловна [даже уединилась с одним из поклонников и] *и один из ее поклонников* завел[а]и свой разговор, он [быстро оканчивает и] начинает [нечто более игривое] *читать что-то другое*; в стихах. Все смеются, и Софка тоже, хотя плохо понимает, что тут собственно смешно.

Потом все опять пьют и [снова оживляются] *и снова пьют и без конца хохочут*. Адель Карловна[а]е [хочет] *приходит охота* взлезть на высокий серый камень. Она подымается по горке, цепляется за кустарники руками, путается в амазонке и наконец *сердито* кричит вниз:

— Господа, какие вы невежи и лентяи, — помогите же мне!

Господа помогают.

[Раздается хохот, визг. Особенно старается полковник Иванов.

Пока продолжается эта занимательная игра, Марья Ивановна] *А в это время мама* старается овладеть князьком. [Он сумрачно с] *С* отяжелевшей от вина головой сидит он ниже ее на пригорке, охватив колена руками, и *мрачно глядит исподлобья*.

Лицо [ее слегка порозовело, омертвевшие очертания лица оживились. Она изредка кладет свои длинные пальцы, унизанные кольцами на руку князя и наклоняясь что-то убедительно говорит ему.] *мамы розово*, глаза глубокие, страстные устремлены на [хорошенькое лицо] князя...

— Поймите, нужно пользоваться жизнью пока живем, брать все, [все] что она может дать... [— и любить как можно больше, как можно сильнее. — В этом только счастье, в этом весь смысл жизни, только в этом, поверьте,]— слышится Софке ее тягучий страстный шепот.

[Ее мать] Всем красивым молодым людям *ее мать* говорит всегда одно и то же [самое], и Софке *почему-то* это кажется* верхом изящества. Ей хотелось бы [как и во всем] и в этом [подражать] *походить на мам[е]у*, но почему-то совестно.

[Генерал отяжелел и осовел от вина. Адель Карловна легкомысленно занялась корнетами и забыла о нем. Ему завидно, он сердится, брюзжит и собирается уезжать.

Настроение Софки тоже изменилось. Стало не то что грустно, а просто нашло какое-то недоумение на нее — и сковало ее.]

Месяц скры[л]вается за каменную стену утеса. Речка продолжает [ла]ет шуметь, но ее уже не [было] видно [больше], и легкий, [нежный] *свежий* ветерок [задул]** *подувает* из ущелья. [— Зато] На темн[ом]еющ[ем] небе [начали выступать] одна за другой *показываются* яркие [южные] звезды.

[Адель Карловна теперь дразнила корнета, все собрались возле нее, и она громко хохотала.

Генерал пыхтел, сердился и, наконец, подозвал свой фаэтон тройкой и уехал ни с кем не простившись.

Князек снова пил, и опять все чему-то смеялись и говорили вздор.] Делать теперь *уже* решительно [было] нечего. Все переделали, и все успело наскучить. Пили, пели, ввали глупости, ели шашлык и опять пили, и все это надоело, и потому [стали] *пора* собираться.

[Из] В темнот[ы]е разд[авалось]ается ржанье лошадей; проводники, лошади, всадники — все [смешалось] *мешается* в темн[ый]ую движущ[ийся]уюся [клубок] массу.

* Рукою Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: кажется это.

** Первоначально Чеховым было вписано: дует

[Не узнавали друг друга, отыскивали лошадей. Адель Карловну общими *] усилиями усаживали на лошадь, и опять поднялся гам. *Не узнают друг друга, отыскивают лошадей... Шум, визг, сердитые голоса...*

[Софка отыскала свою маленькую гнедую лошадку под красным бархатным седлом.] — Князь держ[ал]ит [ее] *Софкину* лошадь под уздцы [и, что-то нежно бормоча про себя, обнимал ее за шею и, прижимаясь к ней], нежно цел[овал]ует ее в ноздри и голову и *что-то бормочет*. Лошадь смиренно сто[яла]ит [под этими ласками] и только изредка переступа[ла]ет с ноги на ногу.

— Позвольте,— и человек в длинной черкеске [подошел к] *вырастает из земли перед Софк[е]лой*.

И прежде чем она успе[ла]вает опомниться, он ловко [схватил] *хватает* ее на руки, [посадил] *сажает* на лошадь, и в ту же минуту она [почувствовала] *чувствует*, как его *усатое* лицо [близко придвинулось к ней] *касается ее лица и как он [грубо поцеловал] целует* ее прямо в губы. [Она только удивилась, так внезапно это произошло и не могла] *Происходит это так внезапно, что она не может* понять, действительно ли это [было], или ей показалось только. Неприятное *брезгливое* чувство [брезгливости поднялось в ней, ей] *овладевает* ею, хо[телось] *чется* ей ударить [его] *нахала* хлыстом, но его уже [не было] *нет возле*, и она не зна[ла]ет, кто он.

А князь все цел[овал]ует лошадь, *целует без конца*, и [а] черные силуэты всадников уже переезжа[ли]ют речку.

— Князь, пора! где вы, князь? Едемте! — [звала Марья Ивановна, забывшая теперь совершенно о существовании Софки.] *зовет ** мама*.

— Марья Ивановна, я ревную, что это в самом деле? [вы] Все князь, да князь! — Князь, голубчик, не откликайтесь!

— Что же, давайте перегоняться!

— Ну нет, силы не равные! [потому что ваша и моя лошадь — большая разница. Потому что ваша лошадь это...]

— Нагайку давай, Ассан!

[Адель Карловна, это измена, я ее кавалер, а она изменяет!

«Сердце красавицы!» — напевает актер.]

[Слышится] Смех, шум каменьев, плеск воды в свежающем воздухе. Эхо отчетливо повторяет все это, и гул стоит между каменными стенами балки.

Князь [сел] *садится* на своего иноходца, смешную мохнатую лошаденку.

Софка дер[нула]гает за повод [гнедого, который запрял ушами и насторожился] *Едут*.

[Все, что сейчас с ней было, ошеломило Софку, недоумение еще больше сквало ее.] *Софка ошеломлена и в недоумении*. Ребенком она привыкла к непрощенным поцелуям. Но тогда целовали все [, и она не обижалась,— и целовали] и при всех. Но сегодня?

Проводник чей-нибудь или один из «них», гостей мамы?

— Как гадко, противно. И сказать некому [, и еще самую будут бранить],— *засмеют и бранить будут*.

Ей хочется плакать.

Князь[б]ек едет рядом и [, повернувшись к ней, почти стоя в стременах, без умолку рассказывает ей про свою любовь; чистую, высокую, святую к одной проезжей петербургской *grande-dame*. Князь] *изо всех сил старается увер[яет]ить* Софку, что она одна может понять его и

* ПРАВКА НЕ ДОВЕДЕНА ДО КОНЦА.

** Первоначально Чеховым было вписано: кричи<т>

что ему страстно хочется все, все высказать ей о своей [особенной] *необыкновенной*, им одним изведанной, неземной любви.

«Вы поймите, она так хороша, так необыкновенно, чудно хороша, что не любить ее нельзя.

Да вы видели ее, она жила на горе с своими детьми.

Для нее * я готов на все, на что хотите. И я мучаюсь, что не могу ничем доказать, как люблю ее и сознаю, что ей это вовсе не нужно.

И голос князя дрожит и прерывается.]

— Когда я увидел [ее в первый раз, то] *вас*, я понял, что не жил до этого. Что-то особенное со мной *произошло* ** [сделалось, и я был счастлив только, когда был возле нее. Что я для нее? Ничтожный мальчишка, ненужный и неинтересный! а она все-таки не пренебрегала мной, не гнала прочь, а утешала, говоря, что все это со временем пройдет.

Она уехала, — продолжал он, — и, конечно, уже теперь забыла, что я существую, а] Мне тяжело, и вот я пью, и езжу сюда, в горы, с этой пьяной компанией, и мне не легче...

[Софка слушала его и забывала свое горе, так необыкновенно сильна казалась ей любовь князя. Она немного гордилась даже, что он поверял ей свои тайны, хотя он, может быть, те же слова шептал, обнимая ее лошадь. Она также не обиделась, когда он упомянул о пьяной компании. Ведь это была правда, и больше ничего.] *Голос князя дрожит и прерывается.*

— Я поеду за [ней] *вами* в Петербург, [и грозные звуки слышатся в его голосе, молодом и звенящем.] — *бормочет он*. Не пустят, все равно уеду! [потому что] Я не могу, не могу так жить! Поймите, ну, нельзя так жить. Ну, сопьюсь, застрелюсь, все равно, — но терпеть я больше не [могу!] *в состоянии!*

И он [снова] начинает рассказывать Софке, какие *у нее* глаза [у его княгини], и как он любит ее, и как ему *будет* тяжела разлука... [и опять в его голосе слышатся глухие рыдания.]

Софка слуша[ла]ет молча и вдруг неожиданно *начинает* [за-] плака[ла]ть, вся содрогаясь своим худеньким телом. Ей ста[ло так]-новит[ся] жал[ко] этого хорошенького мальчика, жаль себя, жаль еще чего-то, чего она не могла бы [никому] объяснить словами, но что особенно больно муч[ало]ает ее в эту светлую ночь и заставля[ло]ет плакать.

Они е[хали]дут близко друг [от] к друг[а]у по пыльной дороге.

Теперь совсем вызвездило.

Звезд — миллионы; [смотрели на них с высоты;] изредка одна звезда срыва[лась]ется и, описав яркую линию, исчеза[ла]ет куда-то с темного неба.

Князь цел[овал]ует руку Софке, благодарил *** ее и все говори[л]т о своей любви. [И все было так искренно и казалось так просто и трогательно.] *говорит, говорит, говорит...*

А кругом расстила[лась]ется серая волнистая степь, а там вдали сквозь молочный туман проступа[ли]ют очертания зданий, высоких тополей. Сверка[ли]ют, огоньки станицы.

[Вы милая, хорошая, вы поняли, я люблю вас, — повторял князь.]

— Еще одна, — [сказала] *говорит* Софка, влажными глазами следя за падающей звездой.

* Первоначально Чехов предполагал вычеркнуть лишь два предыдущих абзаца и начал править (изменил нее на вас), но затем вычеркнул и этот абзац.

** Рукою Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: Со мной произошло что-то особенное

*** Правка не доведена до конца — нужно: благодарит

II. РАССКАЗ А. С. ПИСАРЕВОЙ «СЧАСТЬЕ»

Рассказ А. С. Писаревой был, как сказано выше, одобрен Чеховым, отправлен Гольцеву, но по неизвестным причинам в «Русской мысли» напечатан не был.

Сведения об А. С. Писаревой крайне скудны; остаются неизвестными даже ее имя и отчество. С Чеховым она находилась в переписке, но письма к ней Чехова неизвестны. Впервые она обратилась к Чехову по поводу другого своего рассказа; печатаем это письмо полностью, поскольку в нем содержатся единственные дошедшие до нас биографические данные о Писаревой как писательнице.

«Многоуважаемый Антон Павлович!

У меня так же мало надежды получить ответ от вас, как у бедняка, который пишет Ротшильду; но несмотря на эту безнадежность, вероятно, каждый год несколько таких мечтателей посылает свои письма куда <нибудь> „в Нью-Йорк“ или „в Америку“, не узнав даже хоскольку в нем содержится единственные дошедшие до нас биографические данные о Писаревой как писательнице.

И я такой же мечтатель. Я посылаю вам, многоуважаемый Антон Павлович, мою повесть „Капочкина свадьба“*. Мне 26 лет, я напечатала только три рассказа и не знаю, что выйдет из этого; повесть, которую вам посылаю, была в редакции „Русское богатство“. В. Г. Короленко не принял ее, найдя ее (его слова) интересной и живо написанной в деталях, но интересной лишь в бытовом отношении. В общем отзыв его был мягок и кончался словами: „быть может, она найдет себе место в другом журнале“. Мне хочется надеяться, что повесть будет прочтена вами и что в отрицательном или положительном смысле вы отзоветесь о ней, хочется надеяться, потому что это слишком интересно и важно. Мой адрес: Петербург, Лиговка д. 11 (До 1 сент. Ст. Мустамяки, Ф. ж. д., дача Верезина).

Вас издали уважающая и любящая А. Писарева».

О судьбе рассказа «Капочкина свадьба» далее ничего неизвестно. Одобрен и отредактирован Чеховым был другой рассказ Писаревой «Счастье», о чем Чехов после правки рассказа сообщил Гольцеву 22 февраля 1904 г. в следующих выражениях: «А. Писаревой, авторше „Счастья“ я написал, рукопись ее тебе посылаю» (XX, 230).

Рассказ написан неопытной рукой; особых признаков художественного мастерства он не выявляет, но в нем есть искренность и теплота при изображении чувств. Описывается молодая мать, охваченная переживанием счастья. Ребенок записан как «незаконнорожденный»; роженицу посещает в больнице отец ребенка, преподаватель университета, равнодушный, усталый человек, считающий, что и любить своих детей больше чужих — несправедливо. От его речей в ясной душе героини возникает смутное чувство, точно в спокойную воду пруда бросили камень, и по ней заходили, разбегаясь, волны. Но все же молодая мать отдается своим мечтам, — и «мечты эти будут неопределенные, глупые, детские, вроде того, что у девочки черные глазки». Вот и весь сюжет рассказа.

Чехов не менял композиции рассказа, ничего не вставил от себя. Его редакторская правка свелась к тому, что он сделал весь рассказ компактнее, упрощая текст в тех местах, где предложения были слишком усложнены, жертвуя при этом отдельными деталями. Впрочем, многие детали ему, очевидно, представлялись лишними и независимо от громоздкого построения фраз. Так, он устранил сообщение о том, как был записан на билете отец незаконнорожденной девочки, замечание, что роженица была курсисткой-бестужевкой. Устранены также вульгаризмы в речи больной Тимофеевой, лишние эпитеты; отдельные неудачные выражения сглажены.

Кроме того, Чехов изъясил некоторые фразы, представляющие собою как бы прямое авторское высказывание по поводу изображаемого. Такова, например, последняя фраза, прямолинейно передающая основную мысль автора: «Да и не в том ли счастье, чтобы обманываться и не знать будущего?» Эта правка очень характерна для

* В кн. «Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову» название рассказа приведено неверно: «Колечкина свадьба» вместо «Капочкина свадьба» (вып. II. М., 1939).

художественных приемов Чехова, который избегал прямых авторских высказываний и советовал другим авторам не писать «о себе» (см., например, выше в настоящем томе публикацию писем Чехова к Р. Ф. Вацук). В свое время Чехов писал так: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т. е. читатели» (XIV, 118—119).

В публикуемом тексте рукописи А. С. Писаревой (ЛБ, ф. 331, 27/17) слова, вычеркнутые Чеховым, заключены в квадратные скобки; слова, вписанные им, — выделены курсивом, авторские подчеркивания — разрядкой.

СЧАСТЬЕ

Посвящается дорогой А. К. Острогорской

— К Тимофеевой пришли. Кто Тимофеева? — спросила, входя в платную палату № 17, дежурная акушерка*.

— Сюд[ы]а, сюд[ы]а! Мы — Тимофеевы, к нам! — ответила, приподнимая голову с подушки, крупная рыжая женщина [широкоплечая, с большим поднимавшим одеяло животом, точно она не родила вчера, а только должна была родить двойню.] Лежавшая ближе к дверям молоденькая больная [курсистка-бестужевка], казавшаяся совсем девочкой рядом со своей соседкой, с любопытством посмотрела на дверь. Вошла старая женщина в большом платке и темном подтыканном платье; [за] а с ней [шла, отставая и оглядывалась на первую кровать и на акушерку,] маленькая закутанная девочка. Женщина остановилась в нескольких шагах от кровати; [и] глядя на больную с тем выражением, с каким смотрят на мертвого, [молча] она сморщила лицо и всхлипнула.

— Ну, здравствуй! Чего плачешь-то? Да поди поближе!

— Вот тебе булочек... — почти шепотом, сквозь слезы сказала посетительница.

[Да куды их? Думаешь, здесь нету? «Полосатка»] Феня в розовом платье и красным бантиком на шее, с [преобладающим у нее] выражением глупой радости на лице, принесла ширмы и закрыла от молоденькой больной соседей, а с ними и светлое окно, [с видневшимся в него] в которое видно было голуб[ым]ое осен[им]ее небо[м].

Елена Ивановна (в отделении [как-то] не знали ее фамилии, ребенок был незаконнорожденный [и отца его записали в билете для посетителей первой попавшейся фамилией Петров или Иванов]) была одна из самых симпатичных [всем] больных, что редко бывает между платными. Она вела себя «первой ученицей», как выразился о ней молодой доктор немец, приходивший в палату каждое утро. Это название так и осталось за ней.

Два дня тому назад без криков, почти молча она родила крошечную [живую] девочку. Было что-то торжественно-радостное, хорошее и достойное уважения в этих молчаливых родах; и это сознавала и акушерка, добродушная маленькая некрасивая женщина, и стоявшие полукругом молоденькие ученицы, и молодой доктор, державший больную за руку и глядевший на нее с какой-то грустной нежностью. Когда же [это молчаливое страданье] роды окончил[о]ись, и раздалось сначала точно крихтенье, а потом тоненький, но живой крик: «Ла-а! Ла-а!», и акушерка виноватым голосом сказала: «Девочка!» (она знала, что Елене Ивановне хотелось мальчика [и было как-то совестно за эти терпеливые роды

* Рукою Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, 3, чтобы фраза читалась так: спросила дежурная акушерка, входя в платную палату № 17.

не наградить ее так, как ей хотелось), — все придвинулись к кровати, и у всех было одно желание — сказать больной что-нибудь хорошее [и], ласковое.

— Да неужели конец? — спросила Елена Ивановна слабым радостным голосом; и выражение ее коричневых сиявших радостью глаз и всего лица с нежно разгоревшимися щеками было такое, [точно] *как будто* она не страдала, а пережила что-то хорошее, к чему хотела бы вернуться. — Мне было совсем не трудно!

Одна из учениц, толстенная розовая девушка [купеческого типа] со множеством браслетов и с нарядными золотыми часиками поверх халата, не выдержала и расплакалась.

— Милая, милая вы моя, — сказала она, лаская тонкую руку Елены Ивановны.

И после родов больная слушалась доктора, не просила лечь на бок, не беспокоила дежурных звонками, на все вопросы отвечала, что ей хорошо и ничего не нужно. И то, что ей было хорошо, и она действительно не нуждалась не только в лекарствах, но вообще ни в чем [внешнем], чувствовалось без слов при одном взгляде на нее, спокойно лежавшую на спине под белым одеялом, в белой казенной слишком широкой [ей] кофточке, с вытянутыми поверх одеяла тонкими руками без колец и глубоко-спокойным, задумчивым и нежным лицом.

Назавтра после родов Елены Ивановны, рано утром, когда «полосатки» еще мыли полы и в коридорах, борясь с дневным полусветом, желтовато-красными пятнами горели лампы, — по лестнице и в коридоре раздалось тяжелое топанье и затем двое огромных мужиков внесли на носилках новую больную; [за ними] *потом* ученица внесла ребенка. Платных рожениц не кладут по двое, и акушерка долго объясняла Елене Ивановне, что это отступление от правил были вынуждены сделать, так как мест мало, извинялась, убеждала, что лежать вдвоем еще лучше, веселее, а Елена Ивановна терпеливо слушала ее и [после каждого убедительного периода] повторяла, что она очень рада и что ей никто не помешает.

Новая больная Тимофеева была жена портного [; у нее были вторичные очень трудные роды, и она ц]. Целый день до прихода мужа *она* рассказывала Елене Ивановне, как ей дома в с т у п и л о [«в живот — в поясницу, в живот — в поясницу»], как было трудно рожать, как один доктор не позволил ей походить, а другой позволил... [и «кабы не он — умереть бы мне и с ребеночком»]. До двух часов она только и делала, что поминутно кормила свою крупную крикунью-девочку; а после двух к ней начали приходить посетители: муж, очень скромный веселый человек, [низко кланявшийся в сторону кровати Елены Ивановны,] и целая толпа родственников в платочках, с кулками булок и винограду, боявшихся швейцара и не решавшихся садиться на венские стулья; они ходили до самого крайнего срока приема, а вечером уже после 8 снова пришел муж «на одну минуточку» и тоже принес винограду.

К Елене Ивановне в этот день не пришел никто. И только ученицы, бывшие при ее родах [и другие, которым о ней рассказывали], забегали в палату № 17 и подолгу говорили с [Еленой Ивановной] *ней*. Они заставляли ее всегда все в той же спокойной позе, с задумчивым счастливым лицом, и снова желание сказать что-нибудь ласковое, приятное [больной] являлось у каждой, с кем *только* говорила Елена Ивановна *.

Уже после восьми в палату вошла Поля — ш в е й ц а р к а, полная, важная женщина, получавшая очень много на чай; [и став в полу-

* *Ручку Чехова над словами проставлены цифры 1, 2, 3, 4, чтобы фраза читалась так:* у каждой, с кем только говорила Елена Ивановна, являлось желание сказать что-нибудь ласковое, приятное.

оборот к кроватям небрежно спросила:] — «В [17-ую] *семнадцатую* палату Петров звонили в телефон, — сказала она, — к кому это?» Елена Ивановна [() — она в это время кормила девочку ()] — вспыхнула и [слегка двинув головой к двери, точно этим движением она могла через палаты, коридоры и через весь огромный город, разделявший двух людей, говоривших по телефону, приблизиться к тому человеку,] ответила:

— Это ко мне.

— Спрашивают, как здоровье?

— Скажите, что здорова... и...

Она остановилась, посмотрев на девочку, которая, перестав сосать, вдруг полуоткрыла мутный темный глазок и сердито, точно предостерегая, взглянула на мать, — почти шепотом прибавила:

— Больше ничего.

Так прошел первый день. Сегодня солнце светило особенно радостно и празднично. Елена Ивановна лежала, повернув голову ко входной двери, и невольно слушала разговоры за ширмами.

— Доктур, милый, говорю я ему, дозвоьте мне разочек пройтиться, моченьки моей нету! Нет, говорит, нету такого правила!

— Положить бы тебя рожать, так ты бы узнал!

— Да как же можно! Ну, известно, немец, нехристианская душа. Другой пришел, старенький, тот и дозволил, дай ему бог здоровья! [— Ишь какую принесла (в добрый час сказать, в худой промолчать) большую, белую!

— А глаза-то, черные, в папáньку! У нас ведь и у мужа черные глаза, это у моей природы белые... Кушай, матушка, кушай, дичка!

О чем бы ни говорили женщины, через несколько минут разговор снова попадал на прежнюю колею, и опять жена портного подробно и с какой-то любовью описывала свои роды.] Эти разговоры * не надоедали Елене Ивановне, не раздражали ее, — наоборот, ей была понятна и близка радость этой женщины; [ее негодование против доктора, ее полная жалости любовь к ребенку; ей было понятно все это не только потому, что она сама пережила нечто подобное, а еще и оттого, что] все существо ее было теперь полно какими-то новыми хорошими чувствами, [какой-то] любовью ко всем людям. И [сейчас] она думала о том, как будет она теперь жить с этими новыми прекрасными чувствами? Как сделать, чтобы огромная любовь к ребенку и еще к одному человеку не помешала ей [быть справедливой] *относиться справедливо* ** ко всем другим людям? [И как согласить переполнявшую ее душу любовь и желание счастья с тем злом, которое существовало и, вероятно, будет существовать и в ней и кругом нее? В детстве она переживала такое состояние после исповеди. Да, есть зло, есть несчастные больные забытые люди, есть сильные и слабые,] *И* как же *вообще* быть [с этим], когда так хорошо, светло, так небесно-радостно на душе? Елена Ивановна [глубоко вздохнула и] готова была почему-то заплакать, но в это время в маленькой кроватке под белым пологом послышалось кряхтенье, и готовые навернуться слезы мгновенно исчезли [куда-то. Елена Ивановна]. *Она* подняла голову и чутко прислушалась — кряхтенье затихло.

За ширмами прощались.

— [Да] Выписывайся поскорее! Дома-то все лучше.

* *Ручко* Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: Разговоры эти

** Первоначально Чехов написал: хорошо, любовно, но затем зачеркнул эти слова и написал: справедливо

— Да как же можно! Одно слово— дома! Опять и мальчишки у нас, сама знаешь, Гриша в лавку уйдет, они балуются, не работают. Беспрерменно проситься стану.

— Прощай, Зинушка!

— Прощай, тетушка!

Минут десять и в коридоре и в палате было тихо. Жена портного убаюкивала девочку, Елена Ивановна дремала, закрыв глаза. И вдруг среди этой тишины она уловила звуки, которые [с]охватили ее [за сердце] до боли острым, почти невыносимым чувством счастья: по длинному коридору кто-то шел мягкими медленными шагами. Елена Ивановна приподнялась на кровати, коричневые глаза ее засияли, по худому нежному лицу разлился горячий румянец.

— Палата [№ 17?] номер семнадцатый? — спросил тихий голос.

— Самая последняя направо.

В комнату вошел высокий господин в черном длинном сюртуке и в рiпсе-пез, красивый, бледный, с[о] странно неподходящими для такого визита] печальными усталыми глазами.

— Сережа! — сказала Елена Ивановна задыхающимся голосом.

Она засмеялась, и в то же время глаза ее заблестели от слез[ами]. Она взяла его руку и потянула к себе доверчивым любящим движением, ожидая, что он поцелует ее. Гость отвел ее руку и опустился на стул.

— Нет, Лелик, я не могу, тут чужие! — сказал он мягко [, но решительно], и его печальные глаза без слов попросили у нее извинения за этот отказ. — Ну, что же, как ты себя чувствуешь?

— Сережа, посмотри ее! Ма-аленькая! Посмотри, она там спит. Ах, Сережа, Сережа! Как много надо бы сказать тебе!..

Он подошел к маленькой кроватке, поднял полог и все с тем же печальным выражением долго смотрел на маленькое серьезно-спокойное личико, повязанное белым платочком и от этого казавшееся совсем стареньким. Что думал он — неизвестно! Елена Ивановна с кровати тоже смотрела на ребенка, но ее глаза сияли одной только ясной радостью. Потом он опустил полог и сел на стул около кровати. [Он сидел в позе усталого человека, подперев голову рукой.]

— Что же, Лелик, ты очень страдала?

— Представь, Сережа, не очень,— с оживлением заговорила Елена Ивановна, — я не поверила, когда все кончилось, все время можно было терпеть... И потом все это произошло так быстро!

— Да, разумеется! Рассказы об этих муках преувеличены. Нормальные женщины почти не страдают.

Елена Ивановна посмотрела на него пристальным слегка потухшим взглядом и опустила глаза. Она много готова была перенести для ребенка и действительно ожидала худшего [чем это было на самом деле], но слова Сергея [задели ее.] почему-то не понравились ей.

Помолчали.

— Сережа, а как мы ее назовем? Что ты так смотришь на меня? [— перебила она себя.]

— Ничего.

Елена Ивановна была хороша и миловидна в эту минуту; глаза ее, щеки, рот — все горело возбуждением, [точно] какой-то внутренний огонь зажегся за этим лицом и освещал его своим светом. Но он своим мужским взглядом уже [видел] заметил ту перемену, [котор]какую налагают на женщину первые роды: [что-то] молодое, чувственно[e] - задорное исчезло с[о] знакомого] ее милого лица, [и] появилось взамен этого [нечто] что-то новое, духовное, что в эту минуту красило лицо, но в то же время и старило его.

Елена Ивановна почувствовала значение этого взгляда.

— Нет, скажи мне, отчего ты так странно посмотрел на меня? — покраснев повторила она *.

— Я сказал, что ничего, и оставим это.

Они опять замолчали, но на этот раз в молчанье почувствовалось что-то жесткое, недоброе, точно замолчали они для того, чтобы не сказать друг другу неприятного.

— Что же, скоро домой? — начал он. — Здесь так неприятно, точно в тюрьме. И потом, отчего ты не одна?

— Нет, уверяю тебя, Сережа, здесь хорошо. Так все внимательны, добры, и за нее я спокойна. А соседка мне несколько не мешает, она такая интересная, типичная!

— Ну, меня бы это страшно стесняло.. [на твоём месте. Мне и теперь неприятно.]

— Отчего? Она очень славная, так мучилась, бедная! Ребенок вдвое больше нашей, зовут ее Лелей. А как же мы нашу назовем, Сережа?

— Да не все ли равно?

Елена Ивановна мечтательно посмотрела на маленькую кроватку. Тут, за белым пологом лежало [то] существо, которое пробуждало в ней какие-то новые надежды, новые ожидания; и от этих ожиданий жизнь, начавшая одно время казаться ей изжитой, слишком понятной, состоящей из отдельных мелочей, — опять стала представляться загадочной, цельной, новой — одним словом, такой, какой она всегда кажется в своем начале.

— Ты будешь ее любить, — тихонько сказала она, и нельзя было понять, задавала ли она вопрос или просто мечтала вслух.

— Я вообще люблю детей, — ответил он, — что за несправедливость любить своих детей больше чужих.

Елене Ивановне хотелось сказать, что тогда и любовь к взрослому — несправедливость; [но это возражение замерло в ней:] несколько минут она смотрела на его бледное лицо с усталым прищуренными глазами, стараясь видом этого дорогого лица усмирить протест в своей душе; она знала, что для этого ей нужно было посмотреть на его висок с вьющимися седеющими волосами, почему-то этот висок всегда вызывал в ней особенную любовь и жалость.

— Ты устал, Сережа? — спросила она. [а глаза ее договорили остальное, что пряталось в душе.]

— Да... впрочем я как-то привык к усталости; и больше физической усталости меня тяготит этот недостаток свободы, эта необходимость делать не то, что хочется.

Елена Ивановна подавила вздох и слегка отвернулась.

— В университете опять беспокойно, — заговорил он. — Наше положение самое дурацкое, пока ничего не выяснилось, мы, разумеется, читаем, а уже начинаются враждебные взгляды, свистки...

Елена Ивановна [оторвалась от своих мыслей,] посмотрела на него, стараясь проникнуть в настоящий, не внешний смысл его слов и, точно проснувшись, переспросила:

— Что ты сказал? Ах, да, об университете! Расскажи, пожалуйста, что у вас там?

[И разговор перешел на общие темы.]

Часы в коридоре гулко пробили пять.

— Ну, Лелик, я должен идти, надо пообедать, потом заседание. И завтра я придти не могу.

* Рукою Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: повторила она, покраснев.

Она испуганно смотрела на его протянутую к ней руку, не веря, что он уже прощается.

— Разве нельзя еще немного? — слабым голосом произнесла она.

— Не могу, Лелик, ты же знаешь... Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом подошел к маленькой кровати и, подняв полог, опять молча посмотрел на маленькое пушистое личико. И затем так просто, как будто тут не было ничего особенного, он взял шляпу и вышел...

После его ухода Елена Ивановна несколько минут лежала неподвижно. В ее счастливой ясной душе что-то смутилось, точно в спокойную воду пруда бросили камень, и по ней заходили, разбегаясь, волны... [Такие же беспокойные волны задрожали в ней...] Стемнело, в коридоре уже зажгли лампы, а в палате № 17 было полутемно. Жена портного тихонько напевала:

Тебя серенький волчок,
Он ухватит за бочок.

Откуда-то доносился [звонкий] звук перемываемой металлической посуды, сквозь который прорывались голоса и смех. Дневная жизнь в палате и коридоре кончалась, вечерняя еще не началась. А в этом затишь, которое приносят с собою сумерки, всегда сильнее говорят темные мысли...

«Полосатка» Феня внесла лампу и в другой руке поднос с чайниками.

— Чайку вам испить, — сказала она, расплываясь в своей обычной праздничной улыбке.

— Вот, Феня, это отлично, что вы принесли чай, — сказала Елена Ивановна, радуясь свету, от которого мгновенно стало светло и на душе.

— Спит? — спросила Феня [у которой твердо установился шаблон разговора с матерями].

— Да, Феня, и давно уже, с половины второго, — ответила Елена Ивановна, принимаясь за кружку с молоком [которую Феня поставила ей на грудь]: — я уж соскучилась даже.

— Придеть время — и встанеть, — поддерживала разговор Феня.

— Твоя-то хошь время знает, — заговорила жена портного, говорившая ты всем в палате, начиная с докторов и кончая полосатками, — а моей только и дела что [на сиське висеть] *сосет*... Что, Феня, матушка, чайку-то даешь?

— Сию минутую.

Феня приняла кружку у Елены Ивановны и, налив ей ча[й]ю, ушла за ширмы.

— Што это дохтурши сегодня не было? — спросила у ней Тимофеева.

— В п е р ц и о н н о й были, женщине одной там руку резали.

— Ах ты, страсти! Уж операции эти — беда одна!

— Так что же! Порезут это, а потом и заживеть, — объясняла Феня, воспитанная в духе уважения к хирургии.

— Заживет! Моя знакомая одна от операции в сырую землю пошла. Не спите? — обратилась она к Елене Ивановне.

— Нет, нет!

Елена Ивановна протянулась под полотняной свежей холодящей простыней и, сознавая снова всю полноту и ясность своего счастья, своего вновь пришедшего в равновесие настроения, приготовилась слушать рассказы Тимофеевой. Не все ли равно, что та станет говорить? Елена Ивановна будет слушать, изредка вставляя вопросы, *будет* смотреть на белый потолок, на ясный круг [на нем] от лампы, на маленькие кровати под белыми пологам. Может быть, будет слушать, а, может быть, просто помечтает [под монотонные рассказы], и мечты эти будут не-

определенные, глупые, детские, вроде того, что у девочки черные глазки [и, верно, ей пойдет красный капор]...

— А что же у вашей знакомой было? — спросила она.

— Рак.

— Отчего?

— От неприятности. Немцы они; ну, конечно, и приехала к ней сестра гостить из-за границы. Он это и поиграй с ней маленько, а она и увидай в замочную скважину. От этого с ней и случилось. А стали резать и зарезали до смерти.

— Еще станете? — спросила Феня.

— Нет, видно убирай, больше не стану.

Феня унесла чайники.

— Да, дохтора хоть кого так залечат, — продолжала Тимофеева, зевая. — А вот, кажется, и простое дело от пьянства вылечить, а ведь не могут! Вот и мой-то, как я замуж за ево вышла, два года пил.

— Теперь бросил?

— Бросил. Дохтора ничего ему помочь не могли; а приехал странник один, я и стала его просить, чтобы к нам пришел, уговорил бы е[в]го. Ну, он стал говорить: нехорошо, мол, Гриша, люди вы молодые и должны вы из-за этого друг друга вотерять. Стал ему писание читать, в церковь его водить почаще. Говел с ним раза четыре. Ну, потом Гриша и бросил. [Почесть семь лет жил у нас странник этот, обували мы, одевали его на свой счет.]

Тимофеева опять зевнула и продолжала рассказывать о своем первом ребенке, который умер, о мастерской мужа, о том, как в с т у п и л о... Елена Ивановна закрыла глаза и тотчас же задремала. Действительность смешалась со сном. Тимофеева еще говорила, а ей отвечал Сережа.

— Тесно у нас, — говорит Тимофеева. — Тут и мастерская, тут и спальня, такое стесненье!

— Нельзя стеснять свободы, — возражает Сережа.

— Я и не буду стеснять, — говорит уже Елена Ивановна. — Но ведь она маленькая, как же ты ей объяснишь?

— Теперь поздно говорить об этом, — говорит Сережа. Елена Ивановна не видит его лица, но чувствует, какое оно должно быть недовольное в эту минуту.

— Спите? — раздается над ней молодой голос, который тотчас же покрывается тоненьким живым криком: «Ла-а! Ла-а!» Елена Ивановна просыпается всем существом, сон мгновенно отлетает. Над ней стоит стриженная молоденькая бледная девушка * в белом переднике [со смешно падающими как у мужика волосами]. В руках у нее маленький аккуратно сделанный сверточек, издающий крики.

— Покормите-ка своего птенца, — важно говорит барышня, встряхивая короткими прямыми волосами.

Она следит за тем, как Елена Ивановна взяла девочку, как она, волнуясь, устраивала ее у груди, пока та сердито тыкалась в мягкую грудь, сопя носиком, и когда наконец нежная щечка стала мерно вздуваться и опускаться от сосанья, а Елена Ивановна подняла на дежурную свои сияющие глаза, — та невольно спросила ее:

— Ну, что, хорошо?

— Да.

— А не скучно?

— Нет, нисколько, — почти шепотом ответила ей Елена Ивановна, кося глаза на девочку.

* *Ручкою Чехова над словами проставлены цифры: 1, 2, чтобы фраза читалась так: молоденькая девушка, бледная*

— А то попросили бы разрешение у доктора, я бы вам достала что-нибудь порядочное почитать — «Воскресение», например.

Елена Ивановна представила себе читанный ею роман, и он показался ей теперь таким невыносимо-трогательн[о]ым прекрасным, что слезы сжали ей горло. Она отрицательно покачала головой: [и, сдержавшись, ответила:]

— Нет, спасибо, мне право не скучно.

— Я у вас нынче дежурю. Насытитесь, так позвоните меня.

И дежурная вышла в коридор.

Елена Ивановна осталась одна со своим счастьем. Если бы она не стеснялась выражать свою любовь, [она бы] *то* глядя на пушистое маленькое личико, с волосатым лобиком и приподнятыми вверх закрытыми глазками, такое нежное, крошечное [что казалось невероятным то, что она может каждую минуту поцеловать его], — она бы тоже, как соседка, говорила [ей]: «Голубчик мой беленький, желанная моя! Скоро домой поедем, рѳдная. Папа ванночку купит, колясочку!» Но вместо этого бесконечного ряда ласковых [имен] *слов* она только шепчет: «Дружочек мой...» и не может продолжать, потому что, скажи она еще одно слово — слезы хлынут у нее из глаз неудержимым потоком. Она замолкает, и только [сияющие] *сияющие* коричневые глаза говорят о всей ее любви и нежности. Елена Ивановна смотрит на плавно поднимающуюся и опускающуюся щечку, это мерное движение убаюкивает ее, и через несколько минут она дремлет, прислонясь щекой к маленькой черной головке. Одна рука ее обхватила маленькое тельце, другая лежит на одеяле. На белой подушке резко выделяются темные волнистые волосы, нежное лицо и темная тень ресниц. Лицо ее спокойно и счастливо, дыхание мерно и ровно.

Жизнь — несправедливая, беспощадная, платящая за месяцы счастья годами серых дней и не[сча]настья, — забыта, и только прекрасное, как рассвет нового дня, настоящее грезится ей.

[Да и не в том ли счастье, чтобы обманываться и не знать будущего?..]